

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт восточных рукописей

Выпускается
под руководством Отделения
историко-филологических наук

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

1₍₂₀₎

Весна – лето

2014

Журнал основан в 2004 году

Выходит 2 раза в год

В НОМЕРЕ:

ПУБЛИКАЦИИ

- «Послание Петра Филиппу» (*NHC VIII.2. 132.10–140.27; CodTch 1.1–9.17*). Введение, перевод с коптского языка, комментарий *А.Л. Хосроева* 5
- Наказ Тодзю*. «Беседы со старцем». Предисловие, перевод фрагментов с японского языка, комментарий *К.Г. Маранджян* 31
- Т.А. Пан*. Маньчжуро-монгольский диплом, выданный жене монгольского аристократа (из коллекции ИВР РАН) 38

ИССЛЕДОВАНИЯ

- Н.В. Козырева*. «Знатные и великие». Богатые семьи города Ларсы в XIX–XVIII вв. до н.э. 45
- Б.Б. Лаикарбеков**. Рефлексы древнеиранского *gātu-/*gādu- ‘место, время’ в памирских языках и некоторых таджикских говорах 58
- И.В. Герасимов, Абд ал-Азиз Хасан, Сумейя*. Жилища и дома суданцев в «Табакат» Ибн Дайфаллаха 64
- В.М. Рыбаков*. Танские законы о насильственных видах присвоения чужого имущества 75
- И.С. Гуревич*. Грамматическая стилистика текстов *тинхуа* (на материале «Заново составленного *тинхуа* по истории Пяти династий») 89
- С.Л. Невелева*. Древнеиндийская эпическая мифология: основные характеристики 100

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- С.М. Прозоров*. Духовные ценности суфиев в надписях на личных вещах (по материалам арабской рукописи сочинения по суфизму ‘Азизи Шайзалы, ум. в 494/1100 г.) 114
- Ю.А. Иоаннесян*. Комментарий Баба на суру «ал-Каусар» 126
- О.М. Чунакова*. Среднеперсидские манихейские фрагменты из Туяк-Мазара 143
- М.В. Фионин*. История изучения новозаветных лекционариев (краткий обзор) 148

Наука — Восточная литература
2014

<i>Е.П. Островская.</i> О значении термина bhagavān в составе религиозного титула Будда Бхагаван	160
<i>С.Л. Бурмистров.</i> Культ и мифология Ганеши (по рукописным материалам из Индийского фонда ИВР РАН)	168

КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ

<i>К.К. Курдоев.</i> Краткий историко-этнографический очерк о курдах заза. Предисловие и публикация текста <i>З.А. Юсуповой</i>	180
<i>С.С. Сабрукова.</i> Памятник буддийской архитектуры — Эркетеневский хурул (по материалам АВ ИВР РАН)	201
<i>К.В. Алексеев, А.А. Туранская, Н.В. Ямпольская.</i> Фрагменты монгольского Золотого Ганджура в собрании ИВР РАН	206
<i>И.Г. Алимбарашвили.</i> Из взаимоотношений Мари Броссе и Дмитрия Мегвинетухуцесишвили	225
<i>Е.О. Шухман.</i> Еврейские палеотипы в коллекции ИВР РАН (краткий обзор)	231

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>О.А. Воднева.</i> Ежегодная (годовая) научная сессия ИВР РАН «Письменное наследие Востока как основа классического востоковедения». К 195-летию (1818–2013) Азиатского музея — Института восточных рукописей РАН (СПб., 2–4.12.2013)	243
<i>М.М. Юнусов.</i> Петербургский институт нудайки. Третья ежегодная конференция по нудайке и востоковедению (СПб., 17.12.2013)	252
<i>И.В. Кульганек, Т.А. Пан.</i> Шестая научно-практическая конференция «Путешествия на Восток — 2013» (СПб., 26.03.2014)	257
<i>С.Х. Шомахмадов.</i> Открытый теоретический семинар сектора Южной Азии Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН. Первое заседание: доклад М.И. Воробьевой-Десятковской «Буддийские рукописи из коллекции М. Скоена (Martin Schøyen)» (СПб., 16.04.2014)	260
<i>Н.О. Чехович.</i> Конференция «Администрация и бюрократия на Древнем Востоке (к 125-летию со дня рождения Василия Васильевича Струве)» (СПб., 22–23.04.2014)	262
<i>Е.П. Островская.</i> Открытый теоретический семинар сектора Южной Азии Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН. Второе и третье заседания: доклад Т.В. Ермаковой «Собиратели рукописей индийского фонда Азиатского музея — ИВР РАН» (СПб., 12 и 21.05.2014)	265

РЕЦЕНЗИИ

На четвертой стороне обложки: Маньчжуро-китайский диплом из маньчжурской коллекции ИВР РАН, шифр С 30 mss (к статье Т.А. Пан)	
Над номером работали: Г.О. Ковтунович А.А. Ковалев О.В. Мажидова О.В. Волкова А.Е. Танчарова Е.А. Пронина	
The Journal and Official Correspondence of Bernard Jean Bettelheim. 1845–1854. Part I (1845–1851) / Ed. A.P. Jenkins. — Naha: Okinawa Prefectural Board of Education, 2005. — xxx+640 pp. and The Journal and Official Correspondence of Bernard Jean Bettelheim. 1845–1854. Part II (1852–1854) / Ed. by A.P. Jenkins. — Naha: Okinawa Prefectural Board of Education, 2012. — x+732 pp. (<i>К.Г. Маранджян</i>)	267
<i>Пэн Сян-цян</i> 彭向前. Си Ся вэнь Мэн-цзы чжэнли яньзюо 西夏文《孟子》整理研究 (Комплексное исследование тангутского перевода «Мэн-цзы»). — Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 2012. — 295 с. (<i>Тан Цзюнь, Ю.С. Мильникова</i>)	269
<i>Дмитрий Цолин.</i> Арамейский язык библейских тестов и Таргума Онкелоса. Учебное пособие. — Черкассы: Коллоквиум, 2013. — 359 с. (<i>В. Голенец</i>)	274
<i>Ю.В. Болтач.</i> Ханмун. Вводный курс. — СПб.: Гиперион, 2013. — 335 с. (<i>И.С. Гуревич, К.Г. Маранджян</i>)	275
«Второй» и «Третий» альбомы о. Иакинфа (Н.Я. Бичурина). Вступит. ст. академика В.С. Мясникова и О.В. Васильевой. Подг. к изд. О.В. Васильевой. — СПб.: Российская национальная библиотека, 2012 (<i>И.Ф. Попова</i>)	276
© Российская академия наук, 2014 © Институт восточных рукописей РАН, 2014	

Накаэ Тодзю

«Беседы со старцем»

Предисловие, перевод фрагментов с японского языка,
комментарий К.Г. Маранджян

В публикации дается комментированный перевод нескольких фрагментов из сочинения конфуцианского мыслителя Накаэ Тодзю «Диалоги со старцем», посвященных проблеме «знания». Предназначенный для широкой аудитории текст написан простым и доступным языком и затрагивает важнейшие эпистемологические проблемы, приобщая читателей к конфуцианскому взгляду на мир.

Ключевые слова: знание, Накаэ Тодзю, чтение, ученость, грамотность, «воинственность» и «культура», самураи, совершенномудрые.

Из конфуцианского трактата Накаэ Тодзю «Беседы со старцем»

Накаэ Тодзю (1606–1648), известный также как «Совершенномудрый из Оми», относится к числу японских конфуцианских ученых начала эпохи Эдо (1603–1868), открывших свою собственную школу в провинциальной деревне. Двери этой школы были открыты для всех желающих, преимущественно из низшего слоя самурайского сословия. Сам Накаэ Тодзю, начинавший как служивый самурай, предпочел скромную жизнь торговца сакэ, совмещая это занятие с преподаванием и интерпретацией конфуцианских идей.

Одним из самых известных сочинений Накаэ Тодзю были «Диалоги со старцем» (Окина мондо 翁問答, 1640), написанные в обычном для учебных текстов такого круга формате «вопросов и ответов». В отличие от многих конфуцианских сочинений той эпохи, текст написан по-японски. Он был широко востребован в эпоху Эдо, выдержал не одно ксилографическое издание. Для того чтобы понять, что именно принесло этому трактату широкую популярность, какие именно идеи нашли отклик в душе его современников, следует прежде всего представить заинтересованному читателю перевод поучительного диалога между умудренным старцем и неопытным юнцом, задающим порой то наивные, то каверзные вопросы. Написанный живым и простым языком текст не перегружен нудными и тяжеловесными цитатами из классических китайских сочинений (хотя эти сочинения бесспорно служат одним из важнейших источников этого сочинения), не содержит заумных рассуждений, малопонятных не сведущему в конфуцианстве человеку, а напротив, рассчитан на неискушенного читателя, которого надо заинтересовать и, главное, убедить в правоте конфуцианского взгляда на мир. Потому читать этот текст интересно, хотя и не всегда увлекательно современному западному человеку, не только находящемуся на большой исторической дистанции, но и принадлежащему к совершенно другой культурной традиции.

Приведенные фрагменты текста формально посвящены обоснованию значимости книжной учености, которая, по утверждению Накаэ Тодзю, не только не противоречит занятиям воинским мастерством, а, напротив, совершенно необходима самураям. Повторимся, что текст рассчитан на тех, кто только вступает в мир конфуцианской мысли, и потому доводы и резоны Учителя должны быть понятны даже совсем малообразованным ученикам. На первый взгляд, проблема соотношения «воинского мастерства» с занятиями «изящными искусствами» находится в русле официальной идеологии: в первом пункте свода законов «Букэ сёхатто» («Закон о военных домах»), составленного в 1615 г. монахом Судэном, провозглашается: «Воинам надлежит изучать изящную словесность и практиковать воинские искусства, такие как стрельба из лука и верховая езда»¹. Но это только первый, внешний слой, который легко считается в трактате Накаэ Тодзю. Однако есть еще и второй слой, который считается только при достаточном знании истории конфуцианской мысли, одной из ключевых тем которой была проблема знания. Является ли знание внешним по отношению к человеку, откуда его получает человек — извне или изнутри, каков предмет знания — направлено ли оно на объект или на субъект. И главное, в чем проявляется обретение знания человеком? Что означает обладание знанием?

Эта проблематика на терминологическом уровне связана с категорией «гакумон» (досл. «наука, ученость»). Практически все конфуцианские ученые затрагивали эту тему, и Накаэ Тодзю здесь не исключение. Она обсуждается в тех вопросах и ответах, которые предложены сегодня читателю. Это лишь небольшой фрагмент, дающий представление о том, каков контекст обсуждения темы, как эта философская проблема увязывается с чисто житейскими вопросами, как она адаптируется для обычных людей, обучающихся конфуцианской мудрости.

Поражает, что японский ученый говорит просто об очень сложных эпистемологических проблемах, — он находит правильную интонацию, позволяющую ему приобщить своих учеников (и шире — потенциальных читателей) к осмыслению этих тем, безусловно имеющих малую практическую ценность для большинства учащихся в его школе. Тем не менее, апеллируя к здравому смыслу и китайским прецедентам, он вовлекает свою аудиторию в обсуждение новых тем, позволяющих выйти на философский уровень осмысления мира.

Достаточно, к примеру, внимательно вчитаться в его рассуждения о том, что можно обладать знанием, будучи неграмотными людьми, — ведь здесь речь идет не об апологии неграмотности, а о том, что источник знания находится внутри человека, а не извне, не в книгах (даже тех, что выделены в классический конфуцианский канон). Конечно, это доступно не всем, а только совершенномудрым, но, тем не менее, эти рассуждения дают повод читателям задуматься о роли чтения и важности книг для обретения знания.

Вдумаемся и в то, что автор неоднократно подчеркивает: обладание знанием проявляется в том, что «сердце очищено, а поведение правильно», — фактически, здесь Накаэ прививает своим ученикам мысль о том, что знание носит этико-нравственный характер. Оно дает человеку цельность, формируя его представления и влияя на его модель поведения.

Казалось бы, Накаэ Тодзю обращается к малограмотным самураям, не прибегая к сложной терминологии и не перегружая текст длинными и малопонятными большинству читателей пассажами из китайских трактатов, тем не менее он предлагает им совершенно новый для них способ осмысления ключевых для человека проблем, в каком-то смысле «перестраивая» их сознание.

¹ В оригинале: 文武弓馬ノ道、専ラ相嗜ムベキ事。 В «Лунь-юе» речь идет о 文武之道.

Как мне кажется, ценность этого текста как раз и заключается в том, что написанный для неискушенного человека, он в доступной форме, снова и снова, с разных сторон подходит к интерпретации важнейших конфуцианских (а можно сказать и шире — философских) тем, адаптируя их для понимания теми, кто мало задумывался над этими вопросами и скорее пришел в конфуцианскую школу в надежде сделать себе карьеру в обществе, где от самураев стало требоваться не только воинское мастерство, но и образованность, приобщающая его к культуре.

Насколько мне известно, существует полный перевод этого памятника на английский язык, выполненный австралийской исследовательницей (Bieda W.A., 1979). К сожалению, познакомиться с этой работой мне не удалось.

На русский язык текст не переводился. Данный перевод выполнен по тексту из серии «Нихон сисо тайкэй» (Серия «Японская мысль». Т. 29. Токио, 1974). Приведенные фрагменты взяты из второго маки сочинения, нумерация вопросов соответствует их нумерации в тексте.

Наказ Тодзю

«Беседы со старцем»

Маки 2. Часть первая

49. Тайдзю² спросил: Обычно говорят, что «учение»³ — занятие читающих книги монахов и ушедших из мира [людей], а не дело для воинов. Еще поговаривают, что любящие науки — нерешительны и не подходят для воинского дела. А ежели среди самураев встречаются такие, что любят учение, то их порицают. Не объясните ли Вы, из каких заблуждений проистекают эти ошибочные представления?

Наставник ответил: Когда процветает только ложная «наука», нравы плохи, человеческие сердца замутнены и полны грязи, а под учением понимают только чтение книг, тогда появляются ошибочные суждения. В учении главное — очистить замутненное сердце и сделать лучше поведение человека⁴. В далекой старине, когда еще не было письменности, изначально не было книг для чтения, учились, взяв за образец слова и деяния совершенных мудрецов. Беспокоясь, что к концу эпохи будет утрачена суть «учения», записали книги и было определено зеркало учения, и тогда чтение книг стали считать «вратами» в учение. Поэтому те, кто думает о том, чтобы сердца были чисты, а поведение правильно, те, не читая книг и даже не умея различать иероглифы, все равно обладают учением. А те, кто не думает о чистоте сердца и правильном поведении, хоть днем и ночью, не выпуская из рук Четверокнижие и Пятикнижие, читают, все равно не являются людьми, занимающимися учением. Если не понимать истинных принципов Дао, то подобные заблуждения будут оставаться столь же абсурдными. Когда сердца замутнены, поведение недостойно, из уст обычных людей раздаются брань и сквернословие и не имеют они склонности к подлинному учению — такие люди не являются настоящими сынами человеческими, и нужно стыдиться этого. Если же, обращаясь к тем, кто считает, что отсутствие учения это благо, ругать их, говоря, что они подобны собакам и прочим зверям, то это может

² Имя вымышленного ученика, задающего вопросы старцу.

³ Здесь и далее этим термином передается понятие «学問» (гакумон), спектр значений которого включает в себя и процесс обучения и его результат — образованность.

⁴ 身をおさめる (Ми-о осамэру) — цитата из «Да сюэ», в переводе А.И. Кобзева (Конфуцианское «Четверокнижие», с. 93): «усовершенствовать свою личность». В данном контексте нам кажется более правильным иной перевод этого сочетания.

вызвать их гнев, который приведет к схватке, в которой погибнут обе стороны. А ежели хвалить их, называя благородными мужами, у которых и сердце чисто, и манеры безукоризненны, то это вызовет радость, сопровождающуюся улыбками. Значит, утверждение, что «учение» не нужно, не является их глубинным убеждением. Они просто заблуждаются, не понимая сущности «учения», принимая за него одно только чтение книг. Слова о том, что учение не дело для самураев, — глупость и самое большое заблуждение из всех. Потому что подлинным учением считается стремление к тому, чтобы сердце было чисто, поведение правильно, а воинское искусство совмещалось с культурой. Поэтому, когда все люди поймут, что те, у кого незамутнены сердца, манеры безукоризненны, а воинские искусства сочетаются с культурой, и есть настоящие самураи, тогда, очевидно, они перестанут говорить, что это, мол, недопустимо и прочее. Те же, кто повторяют, что занимающиеся учением нерешительны и не подходят для военного дела, не только заблуждаются, не уяснив сущности учения, но и сами невежественны, завидуют образованности других и идут на всякие уловки, чтобы скрыть, как они стыдятся своей неграмотности. На самом деле это примитивная ошибка! К примеру, нет у человека желания к учению, и если он просто так тратит время на литературу, это вовсе не станет помехой его воинской доблести. К примеру, Минамото Ёсицунэ и Бэнкэй, оба, и господин и слуга, превосходили своих современников образованностью, ни разу не потерпели поражения, и до скончания времен даже малые дети в качестве образцов беспримерной храбрости будут приводить их имена. А если самураи, что кичатся своим невежеством, хоть в малейшей степени — хоть на кончик мизинца — будут действовать, подражая Ёсицунэ и Бэнкэю, одно это будет делать им честь. Хотя трудно назвать хорошим воином того, кто бахвалится только своей безграмотностью! Если бы все неграмотные отличались в воинском мастерстве, то деревенщины, косящие траву да возделывающие поля, бедняки, что собирают хворост в горах, да нищие, что бродяжничают, — они же первые по своему невежеству. Разве они все искусны в военных умениях? Конечно, эти примеры звучат некоторым преувеличением, однако ныне подобные заблуждения очень глубоки, а пробуждение от душевной слепоты в большинстве случаев затруднено, я [стараюсь] пробудить их, немного преувеличивая. Как уже было сказано при рассуждениях о том, кто хорош в воинских искусствах, кто плох, все это заблуждения, проистекают либо из необоснованных и однобоких оценок, либо из тупости, как в случае с [крестьянином], что стерег пень⁵. Среди образованных людей встречаются и искусные воины, как, к примеру, Минамото Ёсицунэ и Бэнкэй, а могут оказаться и трусы. Среди неграмотных попадают трусы, и попадают отважные люди. Следует помнить, что отважные хороши в воинском искусстве. Размышляя над сегодняшними и древними примерами, можно ошибочно заключить, что учение является препятствием для воинского мастерства. Повторю, что если глубоко познать истинное учение, то станет понятным могущество гуманности и долга, и будет отточено воинское умение. Следует серьезно разобраться в том, как действуют учитель и учение. «Чжун юн» гласит: «Там, где другой прилагает одно усилие, ты прилагай сто. Там, где другой прилагает десять усилий, ты прилагай тысячу. В результате осилишь это Дао. Если был глупым, станешь умным. Если был слабым, станешь сильным»⁶.

⁵ Намек на историю из «Хань Фэй-цзы», где рассказывалось, как некий житель царства Сун пахал поле, а среди поля стоял пень. Бежал откуда-то заяц, наскочил на пень, сломал себе шею и сдох. Увидев это, пахарь оставил соху и встал у пня в надежде заполучить еще одного зайца. Второго зайца он, конечно, не заполучил, а сам сделался посмешищем всего Сунского царства (Хань Фэй-цзы, главы 49).

⁶ Цит. по: Конфуцианское «Четверокнижие», с. 140.

Смысл этого замысла в том, что если побуждать стремление к способам высветления светлой благодати⁷ и к серьезному намерению к божественному пути⁸ Неба и Земли, то непременно наступит просветление и у тех, кто от рождения недалек и чьи заблуждения глубоки, прояснится врожденное знание подлинного сердца⁹. Даже у нерешительных и недалеких от природы проявятся мужество подлинного сердца, человеколюбия и долга и честь искусных воинов. В «Лунь юе» говорится: «Обладающий человеколюбием непременно обладает и мужеством, но мужественный не обязательно человеколюбив»¹⁰. Смысл этого наставления в том, что если изучать Дао Конфуция и достичь уровня человеколюбивого, то человеческие желания полностью исчезнут, возобладают принципы Неба, и даже при встрече с какими бы то ни было ужасными злыми духами и волками и тиграми в их сердцах не возникнет ни капли удивления, ни страха, как при встрече с кошками и собаками. Изначально при встрече с многотысячным противником, даже ринувшись в самое пекло или в гущу схватки на мечях, состояние духа ни на йоту не отличалось от обычного, и не было у них ни малейшего страха или испуга. И конечно, их мужество и отвага были беспримечны. Тех, у кого не высветлена светлая благодать, но есть данное Небом мужество, именуют мужественными. Они изначально не боятся смерти, и хотя своим бесстрашием они напоминают мужество человеколюбивых, но поскольку они погрязли в человеческих желаниях, а врожденное знание светлой благодати затемнено, они словно скотина, не знающая ни Дао, ни долга, утратили человеколюбие дарованной Небом благодати. Те, кто наделен отвагой от рождения, изучали подлинное конфуцианское учение, и их мужество становилось мужеством человеколюбия и долга, а те, кто не наделен отвагой, изучая подлинное конфуцианское учение, учатся для того, чтобы высветлить мужество человеколюбия и долга, которые коренятся в истинном сердце. Воины, которые, усвоив эти наставления, хотят заниматься воинскими искусствами, должны обладать решимостью. Если искони военные законы, военные доблести, обязательные для самураев навыки воинского мастерства, правила поведения воинов — все они разновидности конфуцианского Дао и являются принципами Неба, установленными совершенными мудрецами, то когда самураи ругают конфуцианское Дао или говорят, что изучать конфуцианство не воинское дело, то это поистине полное непонимание истины! Стыдно должно быть!

50. Тайдзю спросил: Если называть тех, кто думает о том, чтобы очистить свое сердце и сделать правильным поведение, людьми, «обладающими учением»¹¹, даже если они и неграмотны, то будут ли верны слова «понимать „Лунь-юй“, не читая его»?

Наставник ответил: В этом тоже очень важно разобраться. «Понимать „Лунь-юй“, не читая его» — дело совершенных мудрецов. Поскольку, хотя Конфуций не читал „Лунь-юй“, весь текст от начала до конца — это его высказывания, то на самом деле, «не читая „Лунь юй“», понимал его именно Конфуций. Те же, кто по своему статусу находятся ниже уровня совершенномудрых, из-за привычек, обусловленных данной им природой, не читая книг, затрудняются «достичь внутренних по-

⁷ Высветление светлой благодати — одна из составляющих пути великого учения («Да сюэ», ст. 1).

⁸ Яп. 神道 — досл. «путь богов».

⁹ Здесь используется термин 良知 (лян чжи) — в учении Ван Ян-мина, чье влияние на доктрину Накаэ Тодзю очень велико, эта категория, переводимая исследователями как «благомыслие», означает «врожденное знание», данное человеку от природы.

¹⁰ «Лунь юй», 14, 4. Цит. по: классическое конфуцианство, с. 168.

¹¹ В оригинале 学問する (гакумон-суру). Это выражение означает человека, постигающего учение, или, говоря современным языком, «обучающегося».

коев»¹² Дао и Дэ. И хоть нет причин, по которым надо было бы говорить о тех, кто по своему уровню находится ниже наделенных большой мудростью, в мире полно людей, прочитавших «Лунь юй», но не понявших его. Надо понимать, что эти слова всего лишь выражение, предостерегающее от такого чтения «Лунь юя». А выражение «те, кто думает о том, чтобы очистить свое сердце и сделать правильным поведение, обладают учением, даже если они и неграмотны» — фигура речи, чтобы высветлить подлинный смысл «обучения» и отклонить «лжеученость». Если принять эти слова за значимый афоризм, то обладающие сердцами, замутненными природой человека, не станут думать о том, чтобы очистить свои сердца и сделать правильным свое поведение, тогда их понимание учения совершенномудрых будет заблуждением «на тысячу ли»¹³. Воины, что стремятся очистить свои сердца и сделать правильным поведение, что желают совмещать занятия изящными искусствами с воинским мастерством, даже и не читая книг, должны следовать примеру своих конфуцианских предшественников, ясно осознавать истину изначального сердца, смывать загрязнение человеческой природы и обратить свои взоры на новые приемы и методы.

51. Тайдзю спросил: Что означают слова «Стеречь пенек»?

Наставник ответил: Это аллегорическое обозначение тех, кто не понимает настоящую истину и по глупости ставит себе только лежащие на поверхности сиюминутные цели. В давние времена на возделываемое рисовое поле в горах, где работал один человек, с вершины горы сбежал заяц, ударился носом о пенек, которых было там немало, и умер. Человек увидел это и подумал: вот те на, как удивительно! Он решил, что это необыкновенный пенек для ловли зайцев и что он вернется к нему, чтобы забирать зайцев, и с тех пор, как только выдастся ему свободный час, шел к этому пню, чтобы подобрать зайца, и весь день охранял его. Поскольку в мире много людей, повторяющих ошибку этого человека, составив эту притчу, высмеивают и пристыживают их ошибки. И в особенности такое большое заблуждение, когда если человеку везет, он знатен и богат, то он думает, что все это благодаря его уму, талантам и умениям, а если ему не везет и он беден, то он не винит в этом себя, а сваливает все на родителей, укоряет других и проклинает Небо. Благоволящая судьба и богатство даны от природы, и их не получишь своим умом. И неудачи и бедность тоже данная нам от природы судьба, это не вина родителей и не дело рук других людей, и не изначальная ошибка небесного пути (Тэндо). По причине того, что искушенные или неискушенные в «искусствах»¹⁴, нерешительные или свирепые, те, кто не занимаются воинскими искусствами, и те, кто по складу отважен и должны были бы заниматься воинскими искусствами, но их сердца пребывают во мраке и заблуждении, будут думать, что если искушенный в искусствах занимается воинским мастерством, искусство заключается в воинском искусстве, а если те, кто не владеет искусствами, будут заниматься воинским искусством, они станут полагать, что воинскими искусствами занимаются неграмотные и необразованные люди, если же нерешительные люди будут оттачивать воинское мастерство, тогда начнут судачить, мол, нерешительные на вид люди занимаются воинскими искусствами, а если это будут делать свирепые по виду люди, будут говорить о свирепых по виду людях, что занимаются воин-

¹² Скрытая цитата из «Лунь юй» (11, 15) — «Ю уже взшел по ступеням крыльца. Он только не достиг еще внутренних покоев» (Классическое конфуцианство, с. 148).

¹³ Здесь Тодзю использует поговорку, которую часто цитировал Ван Ян-мин и которую сам Тодзю ошибочно приписывал Конфуцию. Целиком поговорка звучит так: «Если ты отклонишься вначале хоть на ширину волоска, то ты ошибешься на тысячу ли». Подробнее см.: Steben, с. 241.

¹⁴ То есть в воинских или изящных искусствах.

скими искусствами, иным словом, слухи будут ходить самые разные. Если бы было так просто понять, что пень не будет ловить зайцев, все бы всё понимали и не ошибались. Поскольку трудно понять причины богатства и бедности, храбрости и трусости, то знаменитые и достигшие высокого положения только и делают, что ошибаются. Посему создают притчи о том, что легко понять, и ясно предостерегают от заблуждений, которые трудно осознать. В Китае среди воинов на сто человек редко когда один был неграмотным и бескультурным. Поэтому высшие генералы, что совершали большие подвиги, были сильны в воинских искусствах и все имели способности к прикладным искусствам. В Японии среди самураев множество невежественных и неграмотных. Поэтому большинство среди самураев с великолепным воинским мастерством не владеют изящными искусствами. Уже вошло в обычай, что с теми, кто прославились благодаря своим способностям в освоении наук и искусства, из-за того что они не владеют воинскими искусствами, а занимаются исключительно изящными искусствами, обращаются как с читающими книги монахами, ушедшими из мирской жизни, и придворными, полагая, что путь воина не их дело. Ежели следовать только этим нравам и не знать, как обстоят дела в Китае, и если невежественные и неграмотные будут заниматься военным делом, то можно сказать, что слухи о том, что у нас «стерегут пенек», будут правдивыми.

Литература

- Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу») / Пер. и коммент. А.И. Кобзева, Л.С. Переломова, П.С. Попова при участии В.М. Майорова. М., 2004.
- Классическое конфуцианство. Т. 1: Конфуций. Лунь юй / Пер., ст., коммент. А.С. Мартынова. СПб.–М., 2000.
- Steben B.D.* Nakae Toju and The Birth of Wang Yang-Ming Learning in Japan // *Monumenta Serica*. 46(1998).
- Bieda W.A.* A Study of the Life of Nakae Toju and a Comparative Analysis of His Thought with the Philosophy of the Chinese Ming Dynasty Thinker Wang Yang-ming; Translation of one of Nakae Toju's Major Writings "Okina mondo" (Dialogue with an Old Man). University of Queensland, 1979.

Summary

Nakae Toju.

Dialogues with an Old Man.

Preface, Translation of Japanese Passages and Commentary by *K.G. Marandjan*

The article contains translated and commented fragments from the "Dialogues with an Old Man" dedicated to the problem of knowledge. Written for a broad audience, the text covers topics related to epistemology in the form readily understandable to the mass reader, thus introducing the Confucian world view to the readers.